

НИК ПЕРУМОВ

ЧЕРЕП В НЕБЕСАХ

ИМПЕРИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Империя превыше всего

Ник Перумов

Череп в небесах

«Феникс»

2004

Перумов Н.

Череп в небесах / Н. Перумов — «Феникс», 2004 — (Империя
превыше всего)

ISBN 978-5-222-37403-0

Империя на грани краха. Но не о таком мечтал Руслан. Идут сражения на планетах Иволга и Каппа-4. Раса Дбигу захватывает новые территории и превращает всех жителей на них в чудовищ. Ещё и гражданская война с Федерацией Тридцати Планет докатилась до Нового Крыма. Чтобы спасти родную планету от биоморфов, Руслану приходится объединиться с Рейхом. Ведь череп, что нашит у него на рукаве, не так страшен, как тот, что может загореться в небесах.

ISBN 978-5-222-37403-0

© Перумов Н., 2004

© Феникс, 2004

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Ник Перумов

Череп в небесах

Автор выражает сердечную признательность:

Ленке Виноградовой – за упорные бои с превосходящими силами газет «Правда», «Известия» и «Красная звезда» в районе Российской национальной библиотеки и Дмитрию Олейнику – за тактико-техническое обеспечение прорыва вражеского кольца; майору Константину Гришину (ВС России) и майору Владимиру Следневу (МВД России) – за неоценимую помощь и квалифицированный комментарий.

Vixi et, quem dederat cursum fortuna, peregri; Et nunc magna mei sub terras ibit imago¹.

*Публий Вергилий Марон,
«Энеида», IV.*

ИМПЕРСКИЕ НОВОСТИ

(Торжественный гром фанфар. Бравурный марш сменяется торжественной мелодией, с детства знакомой равно всем гражданам и всем пораженным в правах великой земной Империи – неофициальным гимном на выход Его Величества кайзера. Экран: полотнище имперского красно-бело-чёрного стяга, Орёл-с-Венком-и-Солнцем. Голос диктора полон неопишуемой значительности; так и кажется, что чтец всё время норовит подняться на цыпочки и вот-вот выскочит из начищенных до блеска лаковых туфель.)

...Сегодня в одиннадцать ноль-ноль по Столичному Времени началось посещение Его Императорским Величеством кайзером Вильгельмом III Академии Генерального Штаба. Его Императорское Величество осмотрел классы, новую библиотеку Академии, спортивный комплекс, совершил прогулку по парку. После этого Его Императорское Величество выступил с традиционной речью перед выпускниками Академии, которые в эти тревожные дни срочно разъезжаются в войска.

(Экран: широкий коридор Академии, до блеска натёртый древний паркетный пол. Снова диктор, как бы вполголоса.)

– Бережно хранимая легенда гласит, что этот паркет составлен из досок, взятых в мэриях вражеских столиц: Варшава и Копенгаген, Париж и Прага, Осло и Белград...

(И тут же перебивает сам себя, переходя на торжественный и официальный тон.)

– Передаем выдержки из речи Его Императорского Величества...

(Экран: актовъый зал Академии. Мрачного вида готические своды, белые оштукатуренные стены, пересечённые коричневыми деревянными балками. Вычурная резная кафедра, тоже очень старая, с имперским орлом, оседлавшим лавровый венок. Середина венка выглядит как-то странно, такое впечатление, что некогда там помещалось совсем иное изображение, сейчас тщательно убранное, поверх которого и наложили встающий солнечный диск. Глубина сцены затянута тёмно-зелёным занавесом, там застыли неподвижные фигуры в чёрных мундирах с серебряными аксельбантами. Снова поют фанфары. Из-за правой кулисы выныривают четыре офицера охраны в чёрном, оружие наготове; между ними неторопливо, с достоинством идёт худощавый пожилой человек, невысокий, лет шестидесяти на вид; он в мундире танкиста, над левым карманом – небольшая колодочка орденских лент. Человек

¹ «Я прожила, и тот путь, что судьба даровала, свершила. Ныне под землю сойду своею великою тенью». (Пер. А. Фета.)

носит витые погоны оберста с двумя четырёхугольными «ромбами» и цифрой «1» меж ними – император по традиции занимает пост почётного командующего Первого танкового полка Первой танковой дивизии рейхсвера. Слышен шум – невидимая аудитория, как один человек, поднимается с мест, и в следующий миг громкоговоритель чуть не лопаётся от слитного рёва сотен глоток:

– Heil der Kaizer! Heil der Kaizerreich!

(Экран: *Кайзер поднимается на трибуну. Поворачивается к аудитории, улыбается, вскидывает руку в известном римском приветствии. Он сухощав, подтянут, седые волосы коротко острижены по военной моде. Резкие морщины, тонкая линия бесцветных губ, волевой подбородок.*)

– Mein herren, благодарю вас за прекрасную встречу. В этот трудный час она подарила мне надежду. Нет, не надежду и даже не веру – полную уверенность в том, что с такими офицерами и, конечно же, солдатами, которые им подстать, – наша неколебимая Империя не может не взять верх.

(*Гром аплодисментов, крики «Zieg Heil!».*)

– Но нам всем предстоят суровые испытания. Господа офицеры, вы – кровь и плоть армии, наших доблестных Вооружённых сил. На вас сейчас с надеждой смотрят добрые фермер и ремесленник, рабочий в цеху и инженер за дисплеем. Вы знаете, что после трагических событий на планете Омега-восемь мы ввели во всей нашей Империи военное положение. Стали действовать многие весьма суровые его законы. Но – не все. Мы можем достать из-под спуда и остальной их пакет, о да, мы можем, как того требуют, к примеру, организации «Память и Гордость» или «Союз Изгнанных». Лишить мирных людей их прав и свобод, выжать их досуха, и всё – во имя победы. Но нужно ли нам это? Я считаю, что нет. С такими офицерами, как вы, – нет и ещё раз нет!

(*Овация. Крики: «Да здравствует Император!»*)

– Мы ограничились военным положением, не став вводить куда более жёсткий режим чрезвычайного или, тем более, осадного положения. Хотя, не скрою, многие в Бундестаге очень на этом настаивали. Особо-чрезвычайный режим сохраняется только в Восьмом секторе, там, где сейчас труднее и опаснее всего.

Империя сильна, сильна вами, такими, как вы, другими офицерами, что уже находятся на передовой, защищая мирный сон наших сограждан. Мы – сильны. И потому мы не пойдём ни на какие переговоры с инсургентами. Мы предлагали – и предлагаем – прекратить бессмысленное кровопролитие, распустить незаконные вооружённые формирования, сдать оружие и добровольно покинуть пределы нашей Империи. О да, нам прекрасно известно – они не останутся. Но, когда они окажутся за пределами наших планет, они уже не смогут отравлять сознание наших юношей и девушек, своей псевдореволюционной риторикой подталкивая их к противоправным шагам.

(*Вновь аплодисменты.*)

– Сильному нет нужды опираться на одни только штыки. Мы объявляем экономическую блокаду тех планет, что согласятся принять главарей бандформирований.

(*Овация.*)

– Само собой, мы пошлём дополнительные части в Восьмой сектор. И вы, господа, будете теми, кто поведёт в бой новые полки и дивизии!.. Но может случиться и так, что вам придётся, словно простым солдатам, взять в руки винтовку и сражаться на передовой. Мы должны быть готовыми к тому, что в сражение вновь, как и всегда в решительные моменты истории, пойдут офицерские полки! И пусть в этот час осяет нас слава наших предков, Гебхарта Лебехта фон Блюхера, победителя самого великого Наполеона Бонапарта, Отто фон Бисмарка, объединителя Германии, фельдмаршала фон Мольтке, создателя «мозга армии», Генерального штаба!..

* * *

– Чепуха, – сказал человек за столом напротив меня. Сказал по-русски, но с сильным акцентом. – Офицеров из Академии Генштаба не отправляют в бой так сразу. Они должны вернуться в части, сработаться, изучить людей, наладить взаимодействие... Боевое слаживание – слышал о таком? Что наше Славное Величество кайзер, да поразит его заповор, хотел этим сказать? Если на передовую бросают училища или сводные офицерские полки из столичных академий, не надо иметь, как говорите вы, русские, «семь пядей во лбу», чтобы понять – дело дрянь.

– Нет, – ответил я. – Напротив, это прекрасный ход. Император или сам очень умён, или у него прекрасные советники.

– Почему?

– Потому что все – или почти все, кто умеет думать и анализировать, – решат именно так, как ты. Что дело Империи швах, что дыры на фронте приходится затыкать лучшим племенным материалом, потому что иначе рухнет уже всё и вся. Обычные части ненадёжны, в маршевых ротах волнения, и так далее и тому подобное. Ведь признайся, ты так и подумал?..

– Гм... ну да, – нехотя кивнул мой собеседник. – Первый слой, открытый. Второй слой, истина.

– А там был и третий слой. Смотрите, как мы слабы. Смотрите, мы боремся из последних сил. Мы жертвуем даже офицерами Генштаба. Шлём их в бой, точно простую пехоту, иными словами – на убой. Ещё одно ваше усилие, и мы рухнем. Давайте, вводите в дело всё без остатка. Вам остался последний рывок.

– Но если ты так легко расшифровал этот третий слой – почему так уверен, что этого не сделают другие? – покачал головой человек напротив.

– Вот именно поэтому, – признался я, – я полагаю, что там есть и четвёртый слой. Понять его – и мы поймём, что на самом деле собирается предпринять Империя.

Человек напротив меня поднялся из-за стола. Он носил громадные, на пол-лица зеркальные очки, надёжно прятавшие глаза, простую солдатскую куртку без знаков различия, эмблем рода войск или какой-то отдельной дивизии. Встреча с ним стоила мне и моему отцу доброго месяца усилий – и немалого, очень немалого количества денег. Звали его Конрад, вернее, он назвался этим именем.

Да, прошло уже четыре с половиной недели, как я дома. Тридцать два дня надо мной – небо Нового Крыма. Братья и сёстры о моём возвращении ничего не знают. После *дела* на Шестой бастионной интербригады впали в какое-то странное оцепенение. Я не знал, уцелели ли милейшая Дариана Дарк вкупе с господином Кривошеевым, однако отец, предприняв какие-то свои невнятные разыскания, посвятить в каковые меня он не счёл нужным, уверенно заявил, что «эти негодяи, несомненно, живы». Я, если честно, сомневался. Заряд в моей бомбе был изрядный. Разведчики отца пробрались в Шестую бастионную несколько дней спустя; внутри практически всё было выжжено.

И мы стали исходить именно из этого предположения – что они таки живы.

Отец, надо сказать, пришёл в неистовство, когда услышал о моём последнем выстреле.

– Ты должен был её прикончить, – то и дело повторял он, несколько театральным жестом хватаясь за голову.

Я отмалчивался. Что уж тут говорить – струсил, не смог принять греха на душу. Хотя по тем же убегающим повстанцам на Сильвании стрелял без зазрения совести. Может, потому, что здесь, на Шестой бастионной, не было Дальки?..

А тем временем Империя медленно, но верно подтягивала войска к мятежному сектору. И здесь, на Новом Крыму, народ всюю готовился к обороне.

Я же все эти дни сидел, как крот, у компьютера, и просматривал хронику недавних событий.

Вот – объявление системы гражданской обороны: замечен неопознанный объект, вышедший на околопланетную орбиту. Доклады средств слежения – как оказалось, наша система контроля заатмосферного движения на высоких и низких орбитах значительно мощнее, чем требуется обычному космодромному диспетчеру, и способна выполнять задачи по раннему обнаружению, классификации и отслеживанию целей даже с минимальной эффективной отражающей поверхностью. Гражданская оборона – само собой, эвфемизм для наиболее массовой планетарной военизированной организации. По договору с Империей Новый Крым имел свою собственную криминальную полицию и отряд быстрого реагирования ограниченной численности, «замотивированный» необходимостью борьбы с оборотом наркотиков, как химических, так и электронных. Гражданская оборона же официально создавалась «для борьбы с последствиями глобальных и локальных природных и техногенных катастроф, ликвидации последствий цунами, землетрясений, извержений и ураганов». К отрядам «спасателей» было приписано чуть ли не всё взрослое мужское население.

Итак, объявлено «состояние готовности». Мобильным отрядам спасателей, иными словами – призыву первой очереди, пользуясь старыми мобилизационными терминами, – предписано перейти на казарменное положение. Интербригады заявляют, что «всецело поддерживают позицию и меры, принимаемые правительством Нового Крыма, и готовы немедленно передать под его команду все свои части».

Как выяснилось впоследствии, всё получилось с точностью до наоборот. Не интербригады оказались под командой правительства, а все силы Нового Крыма встали под знамёна интербригад.

Дариане Дарк хватало ума держаться в тени и не светиться в центральных сетях. Я полагал, что втайне она прибыла на Новый Крым заранее – где и приняла команду над всеми своими формированиями. Места, подобные Шестой бастионной батарее, очевидно, тоже готовились заранее, туда завозились припасы и тому подобное. Сейчас укрепления оставалось только занять.

А потом в хронику «ворвались» «матки».

Панорамные фото, снимки с орбиты, доклады постов слежения. Почти наверняка подделка – путь «маток» окончился на Иволге, они не пошли дальше. Отец говорил, что «зародыш» неспешно вызревал где-то в одной из речек Сибири, запруженной руками поделщиков Дарианы, а потом готовый монстр был аккуратно и без лишнего шума спущен в океан.

Громада «матки», плавно и величественно опускающаяся в наше знаменитое, ярко-синее тропическое море. Тоже подделка, компьютерная имитация, способная нарисовать любую картинку так, что не отличишь от настоящей. Вернее, отличишь, но для этого потребуется настоящая экспертиза.

Патрульные катера, на полном ходу зарывшиеся в волны по самую палубу. Всплески от падающих рядом с «маткой» лёгких снарядов – такие используются, чтобы отгонять от стад хищных кракенов и зубастых китов. Это уже, скорее всего, правда. Катерники – особая каста на Новом Крыму, и интербригады там не имели большого влияния. Так что, начиная отсюда, почти уверен, идёт правдивая хроника.

Разумеется, никакого вреда «матке» лёгкие снарядики с наших МО² причинить не могли; хроника преследовала исключительно одну-единственную цель: показать героизм «простых стражей планеты».

² МО – морской охотник.

Тварь тяжело рухнула на океанское дно. А четыре дня спустя бестия выползла на берег – в какой-нибудь сотне километров от Нового Севастополя. По странной случайности именно там, где располагалось одно из старых укреплений, подобных Шестой бастионной.

Бой новосевастопольского ополчения и интербригад с наступавшими монстрами был зафиксирован со всеми мыслимыми подробностями – словно и не хронику с риском для жизни снимали репортёры.

...Море раздвинулось, волны вскипели, из пены на песок ринулись знакомые нам ещё по Иволге орды. Однако крылатых бестий отчего-то не появилось, да и тех, что топтали нежно-розовый песок пляжа, словно специально создавали, чтобы человеческому оружию было легче с ними справиться.

Нет, тут тоже хватало и когтей, и зубов. И, когда зелёно-коричневая волна чудовищ докатилась до ополченцев, крови и оторванных конечностей хватило с избытком. Камеры выбирали самые выразительные ракурсы. Я видел, как пулемёты интербригад косили надвигавшиеся на них шеренги – кажущиеся бесконечными ряды оскаленных клыкастых пастей, роговых гребней, как падали не успевшие занять место в строю парни и девчата, как и их убийцы в свой черёд гибли, поражённые разрывными пулями.

...Геройский бой длился до темноты. Когда над полем сражения разгорелась вечерняя заря, невидимая Дариана Дарк, словно опытный режиссёр, скомандовала финал. И – я должен был признать, этот самый финал поставлен был мастерски. Как в хорошей мелодраме.

Бьют пулемёты, расчищая интербригадовцам проходы. Группа человек в пятнадцать выныривает из окопов, с криками «ура!» бросается в прорыв; они совершенно явно жертвуют собой. У меня невольно сжимались кулаки, когда я видел – ребята на самом деле добежали до «матки». Что у них были за гранатомёты – я не понял, хотя просматривал ролики по десять раз. Во всяком случае, броня «матки», с которой не могла справиться тяжёлая артиллерия имперцев, этим гранатомётам поддалась. Правда, тоже не сразу. Кумулятивные заряды били в одно и то же место, на горстку смертников уже наваливались со всех сторон многообразные крабо-раки и ракочуды, спасения не было – и тут доспехи «матки» наконец-то поддались. Падали мальчишки и девчонки с гранатомётами, падали, до последнего отстреливаясь и прикрывая собой худенькую блондинку со смешными косичками, которая, оставшись одна, широко размахнулась, забрасывая внутрь раны на боку «матки» нечто металлическое, камуфляжно-зелёное, продолговатое...

В следующий миг светлые косички окрасились кровью, брызнувшей из перезанных чудовищной клешней артерий, фигурка в серой штормовке переломилась надвое, будто хрупкая игрушка в грубых нетерпеливых руках, – и в следующий миг исчезла в облаке взрыва. Заряд, который закинули внутрь «матки», поистине внушал уважение.

Я не сомневался, что ту же операцию можно было проделать и без подобного драматизма. Не бросая на смерть мальчишек и девчонок, лучших мальчишек и девчонок Нового Крыма, безоглядно верящих в Дариану Дарк и готовых ради неё на смерть, сколь угодно мучительную. Но Дариане нужно было эффектное и кровавое представление; помните: «...дело прочно, когда под ним струится кровь»? Она не колебалась. Планета увидела небывалое, и после этого авторитет интербригад вообще и Шестой Интернациональной в частности стал абсолютно непрекаем.

А Дариана Дарк по-прежнему держалась в тени, не появляясь на публике, не принимая участия в торжествах по случаю «победы». Не спеша, но и особо не мешкая, она готовила свой арсенал. Новому Крыму, как я сильно подозревал, отводилась роль «корзинки с завтраком» для новоявленной Федерации. Моря Нового Крыма могли прокормить очень многих. На шельфе водились не только деликатесные ползуны, но и самая простая рыба, которую наши сейнеры не считали даже за добычу. Восемьдесят процентов продукции давали морехозяйства, они гораздо безопаснее с точки зрения экологии, однако если раскрутить на полную мощь

ность маховик лова в открытом океане, на богатых банках, рудничные планеты не будут знать недостатка в пище. Особенно если свернуть производство деликатесов и заняться солдатскими рационами. Разумеется, на время, пока у нас самих, на Новом Крыму, не начнётся бог весть что...

И для того, чтобы это не началось, мне следовало действовать незамедлительно. Я, конечно, имею в виду «незамедлительно по получении точной разведывательной информации».

Нападение наше на Шестую бастионную наделало шуму, и в прямом, и в переносном смысле. Не так-то просто скрыть стрельбу из десятков стволов, считай, под самыми стенами столицы. Невозможно и скрыть гибель людей от их товарищей.

Тут придётся признать, что Дариану мы недооценили. Она не попыталась это замолчать. Атака на Шестую бастионную в единый миг сделалась главной темой новостей. «Фашистские прихвостни» и «предатели дела свободы», на чьи происки свалили штурм, попытались трусливо, подло и коварно напасть на старый форт, подготавливаемый к отпору на случай вторжения имперских войск. Атака коллаборационистов отбита с большим для них ущербом, однако погибло и немало доблестных защитников Нового Крыма; всё время грозились объявить «имена пособников и предателей», но пока что никаких открытых действий против нас Дариана не предприняла. Хотя...

Имя Юрия Фатеева замелькало в новостях, и имя это всякий раз оказывалось связано с чем-то более чем неприглядным. Не торопится, мол, в отличие от других «именитых граждан», пожертвовать часть своих баснословных богатств на дело свободы, непонятно для чего содержит личную армию, вооружённую до зубов, и притом отнюдь не спешит передать свои отряды под контроль законного правительства; впрочем, чего же ждать от человека, чей старший сын служит фашистам, в самой отвратительной эсэсовской дивизии «Мёртвая голова»...

Не питая никакой любви к дивизии «Totenkopf», замечу, что она таки не была самой отвратительной. По числу расправ с мирным населением сто очков вперёд ей дала бы другая дивизия – «Галичина»...

Пока это было только устно. Но в Думе уже готовился соответствующий депутатский запрос главному прокурору, а недавно образованный думский комитет по национализации вдруг очень озаботился эффективностью использования в военное время крупных морехозяйств, сосредоточенных в частных руках и не осуществляющих массивных поставок для Вооружённых сил Федерации.

Дариана действовала с похвальной расторопностью.

Но пока что всё, предпринятое против нас, вполне укладывалось в определённый шаблон. Ощущался исходный приказ Дарианы, но не чувствовалось её личной и окончательной шлифовки операций.

Времени у нас оставалось немного. Скоро Дарк оправится окончательно. И тогда церемониться уже не станет. От показательного процесса она точно не откажется.

Отец, конечно же, отвечал. Из-за разрыва с Империей он не мог заявить, что его старший сын дезертировал, но, разумеется, распускать свою маленькую армию не собирался. Потому что атаки можно было ожидать в любой момент. Кроме того, им прикормленные журналюги выдали несколько статей, куда более желчных и разоблачительных. Уж чего-чего, а компромата у отца всегда хватало. И притом на всех. Как он при этом ухитрялся сам выходить сухим из воды, я не знаю, но факт: в сети валом замелькали записи весьма высокопоставленных людей, которые либо занимались сексом с малолетками обоих полов, либо бессвязно молили языками в наркотическом угаре, либо... А вот на отца никто при всём желании ничего накопать не мог, и все крики, что записи – подделка, разбивались об оценки независимой экспертизы. Прокуратура начинала расследования, ей просто некуда было деваться. А Дариана Дарк могла только скрипеть зубами от злости. Пока правила игры существовали, она ничего не могла с нами сде-

лять. Конечно, донельзя соблазнительно – объявить всю Думу Нового Крыма коррупционерами, предателями и имперскими агентами, разогнать её к чёрту вкупе с судом, прокуратурой, коллегией адвокатов, независимой экспертизой, Ревизионной палатой, арбитражем, комиссией по деловой этике и так далее и тому подобное. Заманчиво, но пока что и Дума, и прочие институты стояли на её, Дарианиной стороне; распусти их – и на планете неизбежно гражданское столкновение, чего имперцы только и ждут. И пойдут они тогда набивать трюмы идущих на Сваарг каторжных транспортов и новокрымчанами, и интербригадовцами вперемешку.

...В тот день, когда мы начали поиски сидящего сейчас передо мной человека в зеркальных очках, отец как-то криво улыбнулся, хмыкнул и достал из сейфа старую-престарую записную книжку. Не наручный компьютер, не электронный блокнот – бумажную записную книжку в потёртом кожаном переплёте, светло-коричневом, с вытесненным на обложке двуглавым орлом. Уголки переплёта окованы металлом – записная книжка была не из дешёвых, Новый Крым не изобилдовал скотом, и кожа ценилась высоко.

– Старые друзья, – нехорошо усмехаясь, сказал отец, раскрывая пожелтевшие, сплошь покрытые записями страницы. Я, признаться, чуть рот не разинул – неужели отец держал совершенно секретные сведения вот так, на бумаге, пусть даже и зашифрованными?

– Есть всякие шифры, сын, – угадал он мой невысказанный вопрос. – Иные ставят многоуровневую компьютерную защиту, да только зря – имперские специалисты взломают любые пароли. А есть шифры старые, временем проверенные... хе-хе... о которых забыли даже в Его Императорского Величества Криптографической службе. Ты же знаешь, какой это фетиш у имперцев, как они безоглядно доверяют всякого рода машинерии... достаточно вспомнить твоё приключение с полиграфом. То же и тут...

– Что ты хочешь делать, пап?

– Я уже сказал – будем искать старых друзей. Далекое не все тогда приняли моё решение уйти из «непримиримых». Далекое не все сложили оружие. Но также далеко и не все пошли следом за Дарк и ей подобными. Я разделяю твои подозрения, Рус, что так называемые «легальные» интербригады находятся под плотным колпаком Гехайме Стаатсполицай, вернее, имперцы долго и свято в это верили. Тем не менее внутри остепенившегося вроде бы движения продолжают действовать самые оголтелые экстремисты, вроде той же самой Дарианы. А есть и такие, кто сперва воевал с нами рука об руку, а потом по разным причинам наши пути разошлись. Нам потребуются люди, много людей, не столько бойцов, сколько информантов, тех, кто сможет сказать, что на самом деле творится там-то и там-то... Потому что меня весьма волнует ещё один момент из твоих рассказов, – вдруг сменил он тему. – Ваше приключение на Зете-пять. Когда колонна БМД попала в то подобие засады в лесу. Помнишь?

– Что за вопрос, отец, конечно, в мельчайших деталях...

– Ну и что это, по-твоему, было?

Я пожал плечами:

– Думаю, ещё какой-то эксперимент Дарианы. Неудачный. Подобный тем, что она проделывала с лемурами, пытаясь поставить их под контроль.

Отец покачал головой.

– Нет. Ты ведь тогда что сделал? Списал на «необъяснимое», на «флуктуацию»... помню-помню, как ты мне всё это излагал. Но необъяснимого и сверхъестественного не бывает, во всяком случае, на войне его быть не должно, а если таковое и случается, то случаться должно исключительно к нашей пользе. Так вот, я боюсь – этот эпизод не имеет никакого отношения ни к Дариане Дарк, ни к чему-то остальному. Это именно лемуры, их персональная особенность, и, признаться, я огорчён, что ты так беспечно отмахнулся от этого эпизода.

– Папа, да когда же мне было...

– Согласен, – вздохнул отец. – Хотя в разведке нет и не может быть такого понятия «когда ж мне было». Мы слабы. И потому, как учил Сун-Цзы, обязаны использовать любое нестандартное решение. Понимаешь меня?

Я кивнул.

– Ты хочешь узнать, что это был за феномен, и, возможно, его использовать?

Отец всплеснул руками.

– Слава богу, наконец-то дошло. Какое же мы имеем право пройти мимо такой возможности? Целый взвод оказался небоеспособен, и его могли перерезать без всякого труда!..

– Но моё-то отделение сознания не теряло... – возразил я.

– И это тоже требует изучения, – непререкаемо заявил отец.

– Папа, мне кажется, у нас есть более срочные дела...

– Верно. Но спину верблюду, как известно, ломает последняя соломинка. Я не могу и не хочу упускать никакого, даже самого малого шанса отыскать для нас эту соломинку. Вот ещё почему я буду звонить старым друзьям...

...Разумеется, «звонить» – это слово, оставшееся из глубокого прошлого. Отец рассылал сообщения. Некие каналы сношения с Империей всё равно оставались, несмотря на блокаду и так далее. Лайбы контрабандистов по-прежнему приходили за нашими ползунами и октопусами.

Кому и о чём писал отец – оставалось тайной даже для меня.

– Если нас таки раскроют, не хочу, чтобы ты выдал этих людей даже невольно, допустим, не успев вовремя умереть, – заявил он мне. – Обычные психотропные препараты на тебя особо действовать не должны, но кто ж знает этих палачей из Гехайме, до чего они там додумались за эти годы?..

...Человек в зеркальных очках – Конрад – согласился встретиться со мной сразу. Некогда «непримиримый», он «непримиримым» и остался. У него была собственная организация, небольшая, но мобильная и глубоко законспирированная. Помимо своих, так сказать, прямых обязанностей эти люди не брезговали и сугубо мафиозными заработками – якобы для великой цели. Отец сообщил мне об этом с плохо скрытым отвращением:

– Но это, скорее всего, наши единственные союзники, Рус. Неприглядные, согласен, но уж какие есть. Они, пожалуй, замаскировались хитрее других – под обычный мафиозный клан, хотя я всё больше подозреваю, что сугубо бандитские способы добычи денег и отъёма чужого бизнеса мало-помалу вытесняют у них всю нашу борьбу. Тем не менее Конрад и его люди – единственные, кто ещё хоть что-то делает. Остальные залегли слишком глубоко. Я никого не смог отыскать.

– Значит, будем говорить с теми, кто есть, – решительно сказал я.

И мы говорили.

Конрад согласился встретиться. Для этого он, нарушая все писанные и неписанные законы конспирации, даже специально прибыл на Новый Крым – первым официальным рейсом новой «компании космического транзита» «Свобода». На захваченных имперских пассажирских каботажниках наспех покрасили Орла-с-Венком-и-Солнцем. Вместо него в жёлтом поле расправлял крылья чёрный журавль.

Федерация Тридцати, новорождённая «свободная демократическая республика», в которую объединились три десятка старых «независимых» и провозгласивших отделение от Империи вместе с Новым Крымом планет, спешила обзавестись всеми атрибутами государственности. На «независимых» имелись промышленные мощности, запасы ископаемых. Да, условия жизни суровы, кое-где, особенно на «рудничных» планетах, сидеть приходилось под куполами жизнеобеспечения. Но вместе с Новым Крымом – и если удастся овладеть, к примеру, Сильванией – получалось вполне жизнеспособное образование...

И тут, должен признаться, я заколебался. Не о том ли мечтали? Если Федерация Тридцати окрепнет, даже Империя подумает трижды, прежде чем начать открытую интервенцию. Рынок достаточно ёмок, до нормализации отношений можем обойтись и без имперского экспорта, даже если они ухитрятся полностью перекрыть дорогу контрабандистам, во что я лично не верю.

И достаточно покончить с маньяками-властолюбцами в верхушке интербригад, выследить и уничтожить все их запасы биоморфов, чтобы наступило полное благорастворение на воздушных и во человецех благоволение.

Однако в то же время я не сомневался, что «матки» нас в покое не оставят. Война шла уже не по нашему плану и уж, конечно, не по плану госпожи Дарианы Дарк. Моё последнее видение, там, в казематах Шестой бастионной, для меня служило самым лучшим доказательством. Жаль только, что его нельзя предъявить другим.

Где-то в глубине космоса скапливалась потрясающая, всеокрушающая мощь Вторжения. Мы, люди, любим порой сочинять страшные сказки – о явлении расы Разрушителей, которые, не вступая в переговоры и ничего не требуя, просто уничтожают всё на своём пути, давая таким образом нам право уничтожать их в ответ без каких-либо колебаний. Идеальный враг, который так необходим...

Но это только сказки. Чужие, с которыми мы вошли в контакт (или которые вошли в контакт с нами), как раз не отличались никакой патологической манией стереть человечество с лица земли. Все Чужие расы числились, само собой, в потенциальных противниках, сухопутные осьминоги-Дбигу, наши ближайшие соседи, – среди наиболее вероятных. Другая активная раса невдалеке от нашего Восьмого Сектора, Слайм, тоже не брезговавшая внешней экспансией и увлекавшаяся перестраиванием планетарных биосфер, тем не менее на переговорах оказалась вполне гибкой, вмняемой и вполне даже впечатляемой продемонстрированной им мощью земного оружия. Всё-таки технологический путь развития тоже имеет свои преимущества.

Теоретически Слайм как раз могли стоять за «матками» – детали доступной нашим ближайшим соседям биотехнологии, само собой, известны не были; но антигравитация! Ничего подобного за ними не водилось, что называется, даже близко. Сверхсекретный проект? – возможно, и полностью сбрасывать этих ребят со счетов я бы не стал, хотя мой внутренний, «биоморфный» голос подсказывал, что это не так, что они тут ни при чём.

Враг пришёл откуда-то из глубины. И почему-то оказалось так, что именно мы, человечество, – на острие его удара. Не октопусы-Дбигу, не странноватые, похожие на большеглазых барсуков Слайм – а именно мы. Какой в этом смысл? Война не ведётся просто так. Она всегда преследует определённые и вполне понятные цели. Я не удивился бы вторжению наших ближайших соседей, почему привыкшее к изученной истории войн сознание и сопротивлялось тому, чтобы окончательно исключить из списка подозреваемых и октопусов, и барсуков; но неведомый враг, не вступающий в переговоры, использующий столь сложный путь, как подбрасывание своих невероятных технологических «подарков» интербригадам?.. Меня назовут сумасшедшим и будут правы. Я не сомневался – у имперского Генерального штаба нет никакой ясной стратегической линии. Рейхсвер реагировал хаотично, пытаясь парировать удары врага, но не предупредить их и уж тем более не перейти в контрнаступление. А «маток» не сдержит никакая оборона. Судьба Первой танковой армии на Иволге показала это яснее ясного.

– Так чего же ты конкретно хочешь от меня, Руслан? – Человек в очках по-прежнему сидел напротив, смотрел спокойно, словно и не взволновал его нисколько мой рассказ и все изложенные обстоятельства. – Моя организация никогда не прекращала борьбы за независимость пограничных планет. Если тебе нужны союзники, изложи мне чётко, чего ты собираешься добиться. Хотя бы на первом этапе операции.

– Мои желания зависят от многого, – осторожно начал я. – В частности, и от твоей готовности несколько сменить образ жизни.

– Считай, я готов, – коротко бросил мой собеседник. – Что дальше?

– Дальше?.. Ну, в первую очередь нам нужна информация. Из верхушки интербригад; из окружения Дарианы Дарк, поскольку, как мы считаем, она во многом действует сама по себе; ну и, конечно же, из имперского Генштаба.

– А собственноручных показаний Её Величества императрицы о любимых сексуальных позициях государя тебе, случайно, не надо? – усмехнулся человек в маске.

– Мне они без надобности, – сухо отозвался я. Не люблю скабрёзностей. Даже по отношению к врагам. – Но, Конрад, ты хочешь сказать, что *можешь* получить такую информацию? У тебя есть осведомители среди личных слуг кайзера?

Конрад фыркнул.

– Прости, Руслан, но о таких вещах, как наличие или отсутствие осведомителей в определённых местах, вслух говорить не принято. Я имею в виду, конечно, людей моей профессии.

– Судя по твоей реакции, получить сведения из опочивальни кайзера существенно легче, чем из руководящего центра интербригад?

– Совершенно верно, – сухо кивнул мой собеседник. – Руслан, нынешние интербригады – это такое гнездо змей, по сравнению с которым Гехайме Стаатсполицай или контрразведка – пансион благородных девиц. Раздрай – я правильно сказал? – возник ещё и потому, что... Впрочем, тут мне уже придётся выдавать тебе некую информацию, а мне, напомню, ещё не оплатили даже проезд сюда, – он хохотнул.

Я полез во внутренний карман. Для внушительности отец выдал мне чековую книжку в дорожной обложке тонкой кожи с рельефными золотыми монограммами.

– Сколько я тебе должен, Конрад?

– Вот странные люди, – над очками поднялись вскинутые как бы в недоумении брови. – Вы совсем не понимаете шуток. Я надеюсь увезти отсюда много, много больше, Руслан, чем простое возмещение стоимости перелёта. Тем более что кормили отвратительно. Не то, что здесь, у вас. Так вот, интербригады, по моей информации, курируются, с одной стороны, *Innere Sicherheit*³, то есть контрразведкой, с другой – гестапо и с третьей – собственной службой охраны кайзера. Довелось мне слышать и про такую организацию, как разведотдел *Generalstab*-а, тоже проявлявшей к ним интерес. Думаю, для тебя не секрет, что само существование интербригад стало возможным после принятия – по настоянию контрразведки – стратегии «управляемой оппозиции». Иными словами, отстойник, резервуар для недовольных, могущих выпустить пар в безопасных для Империи формах. Разумеется, безопасных для Империи в целом, а не для отдельных её подданных.

Конрад сделал выразительную паузу.

Много из этого я знал и так, но...

– А не получается ли там неразберихи, когда оппозиционная структура – под контролем аж трёх силовых ведомств?

– Ты прав, – кивнул мой собеседник. – И каждая из сторон думает, что вот она-то уж точно владеет ситуацией, в то время как все остальные... ты понимаешь. Более того, я не исключаю, что интербригады вполне могут использоваться теми же спецслужбами в борьбе между собой, а при определённых обстоятельствах – и некоторыми кругами аристократии, если им вдруг вздумается несколько изменить свой статус в государстве.

– Ударный отряд, который не жаль в любой момент пустить под нож?

– Совершенно верно.

– Слишком уж тонкая игра, – усомнился я.

³ Внутренняя Безопасность (нем.). Конрад использует чисто немецкое название вместо аббревиатуры ISS.

– В столице рейха и не такое проворачивают, – отмахнулся Конрад.

– Истории историями, но мне всё-таки нужна информация, – мой собеседник любил демонстрировать свою осведомлённость, но мне требовалось совсем иное. – Информация из верхушки интербригад, из окружения Дарианы Дарк.

– Можно и информацию, – ни мгновения не колебался мой визави. – Тебе и твоему почтенному отцу это обойдётся недёшево, но если уж мы возьмёмся, это будет настоящая информация. Впрочем, полагаю, наше реноме тебе и так известно.

Я кивнул.

– Сведения от Дарианы получить будет потруднее, чем из центра. Дарк последнее время слишком много перемещалась, таская с собой лишь небольшую мобильную группу. Но нет на свете ничего невозможного. Имелись бы деньги.

– Деньги имеются.

– Не сомневаюсь, Юрий Фатеев никогда не обратился бы ко мне, не располагая достаточным финансовым резервом, – ухмыльнулся Конрад. – Две недели с момента получения аванса – и ты получишь первое сообщение.

– Надеюсь, не типа того, что, мол, приступаю к работе?

– За кого ты нас принимаешь? Нет, «сообщение» будет именно сообщением, и именно той информацией, которая тебе так нужна. Не спрашиваю зачем, а ты не спрашивай меня, как именно я заполучу эту информацию.

– А тут и спрашивать не надо, – я пожал плечами. – Ты расконсервируешь кого-то из лёгших на дно информантов в окружении Дарианы. Слишком мало времени для подготовки настоящего внедрения, что называется, с чистого листа.

– Ну а раз ты сам всё понимаешь, то не будем и говорить об этом, – в свою очередь пожал плечами Конрад. – Две недели, как я сказал.

– Дешифровка?

– Если мы договоримся, то в стоимость контракта войдёт мой собственный шифровальный комплекс. Он у меня, кстати, с собой.

Я кивнул:

– Договорились, Конрад.

– Приятно иметь дело с людьми, понимающими, что они хотят, – усмехнулся тот. – Запрошенное тобой информационное обеспечение обойдётся в...

– Погоди, – я поднял руку. – Не исключено, что мне потребуется и ещё одна услуга. Не исключено, что надобность в ней возникнет внезапно и мы не сможем вступить в контакт.

– Это какая ж такая услуга? Выкрасть кронпринцессу Маргрету?

– Нет. Намного сложнее.

– Вот как? И что же?

– Найти и обезвредить верхушку интербригад.

– То есть попросту уничтожить? – Мой собеседник попытался усмехнуться, но полностью скрыть своего изумления так и не смог.

– Как угодно. Но они не должны спровоцировать Империю на вторжение.

Конрад помедлил. Пригладил ладонью волосы. Покачал головой. И заговорил – теперь уже совсем другим тоном:

– Руслан, я знал Дариану, как ты понимаешь. Она всё рассчитала верно. Империя сейчас не пойдёт на крупномасштабную гражданскую войну. Иволга ими потеряна. Что творится на этой планете – засекречено по уровню Эпсилон, у меня нет... пока нет, – не без гордости поправился он, – пока нет никакой информации. Но если верно всё то, о чём ты мне рассказал... эти самые «матки» очень скоро должны появиться вновь. А вот я не понял... когда «матку» всё-таки удавалось уничтожить – этот самый антигравитатор находили?

Я покачал головой. Вопрос бы задан совершенно точно. Правда, в суматохе боя, наверное, было не до этого...

– Уверю тебя, – усмехнулся Конрад, – и гестапо, то есть контрразведка, и служба охраны кайзера прочесали все места уничтожения «маток» частым гребнем. Если только имели возможность. Под Пенемюнде они ведь спокойно могли это сделать, я прав?

Я кивнул.

– Но на Иволге было уничтожено и ещё несколько «маток». Тебе известны обстоятельства их уничтожения? Каким образом, каким оружием?.. Не знаешь? – вот то-то. Имперская разведка вполне могла заполучить один или два таких прибора...

– Ну и что? – не выдержал я. – В человеческих руках антигравитаторы бесполезны. Я же говорил!

– Я отлично запомнил всё, о чём ты говорил. Но имперцы об этом ещё не знают и...

– Я не понимаю, к чему ты.

– К тому, что имперская контрразведка, со свойственным части этой организации авантюризмом, может попытаться убедить высшее руководство Империи, Генштаб, самого кайзера, что ей необходимо собрать как можно больше данных о вторгшихся. О том, что изучение их технологий может дать невероятно мощный толчок земной науке. Поэтому *контролируемое вторжение* – по аналогии с «управляемой оппозицией» – должно продолжаться. Более того, при этом Империя убьёт двух зайцев. Если «матки» покончат с мятежом Тридцати, с этой новосозданной федерацией, – то не надо и посылать войска.

– Но это ж безумие! – не выдержал я. – Какое ещё контролируемое вторжение! Если представить себе, что «матки» очистят от людей три десятка планет в Восьмом, Девятом и Одиннадцатом секторах – что потом Империя станет делать с этим анклавом?!

– А вот это уже другой вопрос, – засмеялся человек в маске. – Представь себе, что контрразведка надеется как следует изучить врага и только потом нанести удар. Не танковыми дивизиями и не десантными корпусами. А, к примеру, боевыми штаммами. Вирусами, бактериями, грибками. Паразитами, специально приспособленными к борьбе с этими монстрами. По старому доброму методу «Войны миров». Герберт Уэллс – помнишь такого прокреатора бактериологического оружия?

– Это чудовищная авантюра. Император на неё никогда не пойдёт.

– А кайзер может ничего и не узнать, – заметил мой собеседник. – Достаточно поставить грамотный фильтр на пути докладываемой ему информации.

– Мы занимаемся каким-то мозготрахом, – хмуро сказал я. – Согласен ли ты помочь в одном прямом и чётком деле?

– Снабжать тебя точной и своевременной информацией – это одно. Нейтрализовать головку интербригад – другое. А вот снести центр их Сопротивления – совсем, совсем даже третье, Руслан. Дариана Дарк была одним из столпов именно этого центра. А он включал в себя не только интербригады. Однако, если ты настаиваешь... я могу это сделать. Но подобная операция будет стоить очень, очень дорого, Руслан.

– Догадываюсь. И насколько ж дороже обычного информационного обеспечения?

– Скажи мне сперва – какими средствами ты располагаешь? Примерная сумма активов твоего достойного отца мне известна, но сколько ты можешь выделить на эту операцию?

– Я всегда считал, что...

– Что я окажусь таким вот идиотиком, проникнусь патриотическими идеями и пойду класть своих лучших людей только вследствие того, что ты нам так сказал? Нет, любезный. Этого не будет. У меня свои методы и своя борьба. Мы-то как раз и готовим отделение... настоящее, не игрушечное отделение, и не жалких трёх десятков планет, а трёх сотен, по всей нашей границе. Мы готовим истинное освобождение. Интербригады нам не мешают. Ты хочешь, чтобы мы убрали их, отлично. Отсутствие интербригад нам тоже не повредит. Но за

это надо платить. Моя цена – четырнадцать миллионов триста пятьдесят тысяч марок. Имперских марок, разумеется.

– Так точно всё уже сосчитано. Впечатляет, – кивнул я.

– Разумеется. Мы ведь не бандиты. Мы – «организованная гарантия» и больше некоего разумного процента свою прибыль не поднимаем. Короче, Руслан. Если тебе нужна только информация – я затребую с тебя три миллиона восемьсот тысяч марок. Ну а если полное и окончательное выкорчёвывание... тогда, как я сказал, четырнадцать миллионов с копейками, как вы говорите. Так что подумай. Моя цена окончательна и коррекции не подлежит. Где меня найти, ты знаешь. Я пробуду здесь ещё три дня. Море великолепно, а таких рыбных ресторанчиков, как у вас, не сыскать во всей Империи. Будет жалко, если всё это пропадёт...

Он резко поднялся, коротко, отрывисто кивнул мне и вышел.

* * *

Отец был в ярости. Он, что называется, рвал и метал.

– Негодяи. Ну какие же негодяи, – только и повторял он, нервно меряя шагами кабинет.

– А и впрямь, пап, чего ты от них ожидал? Приступа безумного патриотизма?

– Скидки по старой памяти, – буркнул отец. – Почти четыре миллиона марок наличными, это ж с ума сойти можно! И только за самый минимум миниморум! А за полное решение проблемы – четырнадцать! Да знает ли он, что...

– От таких скидок ожидать не приходится, – прервал я отцовское возмущение. Папа вздохнул, покивал, успокаиваясь, провёл ладонью по лайковой коже старого кресла, по спинке, на которой, помню, я так любил сживать в детстве, воображая себя за рычагами штурмовика.

– Правильно, Рус, правильно. Не могу не признать – кое-что интересное Конрад тебе всё же высказал. Насчёт тех же антигравитаторов и контролируемого вторжения. Горячие головы в Империи могут попытаться использовать такую стратегию.

– Это не стратегия, а дерьмо, – мрачно ответил я.

Кабинет скупо освещала лишь настольная лампа. Была ночь, но у отца, я знал, на полную мощность (как всегда) работала техника защиты от подсматривания и подслушивания.

– Тем не менее ничего лучшего у нас пока всё равно нет, – заметил отец.

– В каком смысле?

– Нельзя недооценивать контрразведку...

– Нельзя, – перебил я отца. – Однако они уже прокололись один раз – когда решили, что полиграф есть последнее и полное решение всех их проблем. Удивительно, что они ещё оставили хоть кого-то на простой оперативной работе!

– Это верно, – отец примирительно поднял руку. – Однако мы до сих пор не владеем всей информацией. И я предпочту...

– Ну да, переоценить врага... только как бы эта переоценка нас вконец не запугала.

– Экий ты ершистый сегодня, – усмехнулся отец. – Помолчи и послушай меня. Я думал над этим... над подобным... последние двадцать лет. Если не больше.

– И что же? – всё-таки у меня прорывался сарказм. Нельзя. Нехорошо... не по-людски.

– А вот что. Есть отличная от нуля вероятность, что имперская контрразведка на самом деле добьётся воплощения в жизнь теории «контролируемого вторжения». Это один вариант. Антигравитаторы – такая добыча, что ради неё эти, во Внутренней Безопасности и в гестапо, с радостью отдадут на съедение пару-тройку планет. Но какова ж Дариана! Не побоялась, воспользовалась «подарком»...

– На самом деле, пап, это очень слабое место. Во всех наших теориях.

– Почему, сын? Я знаю Дариану. Она авантюристка, каких мало. И, как я говорил, никогда не умела мыслить стратегически.

– Папа, я рассказывал всю историю Конраду... и как-то оно всё само собой разложилось по полочкам. Да так, что я теперь думаю, рассказ Кривошеева – совершеннейшая фантастика. «Посылка». «Подарок». Почти как в древней песне – «прилетит вдруг волшебник в голубом вертолёте»... Туда, где занимаются биоморфами, с необычайной точностью попадает «посылка», сама объясняет людям Дарианы, что с ней делать... И потом, антигравитаторов, если верить услышанному, изначально было всего пять. А потом с неба начинают падать остальные. Их точно так же подбрасывают людям Дарианы. Отец, ты говорил, вы с мамой очень долго спорили, вы много лет пытались разрешить эту загадку – разве тебе самому не видно, что версия Кривошеева шита белыми нитками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.